

НАША СТРАНА

Год издания 66-й. Буэнос Айрес, 1 февраля 2014

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 1 de febrero de 2014 No. 2981

МОНАРХИСТ, ВЫШЕДШИЙ ЗА РАМКИ МОНАРХИЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ

Писатель Борис Николаевич Ширяев 1889-1959

Редактор издававшегося в Нью Йорке эмигрантского монархического журнала «Знамя России», в номере от 20 мая 1959 года писал: «Будущие историки Зарубежья, литературные критики и библиографы оценят творчество незабвенного Ширяева и, вероятно, найдутся издатели, которые соберут из разрозненных комплектов всяких эмигрантских газет и журналов, включая и ротаторные, те алмазы, мимо которых мы, в толкучке нашей заграничной жизни, проходили, почти не замечая их. Во всяком случае эти алмазы не обеспечивали покойному даже сносного существования. Ценить своих выдающихся людей мы никогда не научимся».

Н. Н. Чухнов как в воду глядел: в Москве нынче готовится к печати сборник статей Бориса Николаевича – главным образом из «Нашей Страны».

Правда, «алмазов» хватало бы на несколько увесистых томов. Весьма плодотворный литератор и публицист, Б. Н. Ширяев печатал свои сверкающие по форме и глубокие по содержанию очерки, статьи, новеллы, фельетоны и критические заметки (как под своей фамилией, так и под псевдонимами А. Алымов, Н. Удовенко, Дрын) в целом ряде белоэмигрантских изданий, в том числе, кроме «Знамени России», в брюссельском журнале «Часовой», парижском «Возрождение», франкфуртском «Грани», калифорнийском «Жар-Птица» и в мюнхенских газетах «Голос Народа», органе власовского Союза Борьбы за Освобождение Народов России (СБОНР) и «Воля» - ежемесячнике «Союза бывших политзаключенных из СССР».

Однако больше всего Ширяев сотрудничал в «Нашей Стране», поскольку с её издателем, Иваном Солоневичем, его связывала общность политического мировоззрения: Борис Николаевич был одним из руководителей основанного автором «России в концлагере» и "Памира" Народно-Монархического Движения.

Свое кредо Ширяев выразил, например, в статье «Тропинки и путь» («Наша Страна» от 9.2.1951): «Идея Российской Народной Монархии – не «экспортный товар». Она выношена всей жизнью многоплеменной российской нации, и я не представляю себе ни одного другого народа, способного воспринять и хотя

бы частично реализовать её. Для этого нужно иметь Дух Российской Нации: её религию, её историю, её величие, её падение, её скорби, её радости – её трагически величавый путь во времени и пространстве. Доминанта Народной Монархии есть идея построения государства нового типа, чуждого в разной мере и словенной ступенчатости и партийно-парламентарной сословности. Она содержит в себе раскрепощение человеческой личности от кабалы сословных, экономических и партийно-политических групп».

Сие впрочем не означало, что Ширяев стал «народным монархистом» лишь под влиянием Солоневича. Сам автор «Народной Монархии» признал это в статье «Совпадение идей»: «Когда я – в 1938-47 гг. работал над своими книгами, у меня было ощущение «открытия Америки», которое в данном случае сводилось к попыткам поставить русскую историю «с головы на ноги»... Теперь выясняется, что ничего нового в этом взгляде нет: и Б. Башилов, и Б. Ширяев, и В. Рудинский пишут, собственно, то же, что писал и пишу я. Люди живут в Германии, Франции, Италии. Их, кроме Бориса Башилова, я никогда и в глаза не видал. И тем не менее, ход мыслей иногда совпадает до мельчайших деталей... Совпадение наших идей никак не случайное: эти идеи родились из одного и того же источника: из русской земли, насквозь пропитанной кровью».

Однако из всех авторов «Нашей Страны», и даже из всех литераторов правой эмиграции, одному Ширяеву удалось выйти за рамки монархической аудитории. Его охотно печатали и республиканцы, и солидаристы и даже социалисты: столь подкупающей была сила его таланта. В своём «Энциклопедическом словаре русской литературы с 1917 года» (Лондон, 1988) немецкий литературовед Вольфганг Казак замалчивает таких принадлежащих к национальному лагерю писателей как Иван Савин, Иван Лукаш, Пётр Краснов и Михаил Каратеев, но совершенно неожиданно, хотя и вполне заслуженно, посвящает более двух страниц Борису Николаевичу. А по свидетельству левого ньюйоркского Издательства имени Чехова, его «Неугасимая лампада», по тиражу и успеху, стояла сразу за мемуарами Винстона Черчилля.

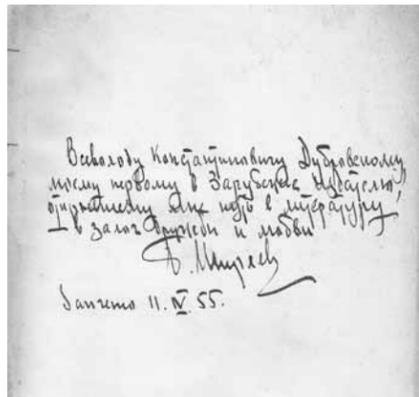
Открыл Ширяева и издал его первые три книги редактор «Нашей Страны» Всеволод Константинович Дубровский-Левашов. Он влез в долги и за один месяц, начиная с 14 июля 1952 года, ему удалось провести всю типографскую работу книги «Ди Пи в Италии». Причём пришлось самому каждый день работать в типографии, собственноручно делая корректуру и верстая страницы. Но игра стоила свеч – книга имела успех, тираж быстро разошёлся, и на вырученные деньги Дубровский смог издать ещё два сборника рассказов Ширяева из итальянской и советской жизни: «Я – человек русский» (1953) и «Светильники русской земли» (1953).

О книге «Ди-Пи в Италии» лите-

ратуровед Леонид Ржевский свидетельствовал («Грани» № 18):

«Это очерки, написанные очень увлекательно (так, что книгу всё время выключивают, того гляди зачитают), местами – с большой наблюдательностью и остротой; много живого юмора, много умных, пронизательных обобщений. В книге «Светильники русской земли» Б. Ширяев, – также и популяризатор-историк очень важной, нужной и «там» закрытой темы».

Сын крупного помещика, Ширяев родился в Москве 7 ноября 1889 года, а скончался в Сан-Ремо, Италия 17 апреля 1959-го. Он закончил историко-филологический факультет Московского университета, затем учился в Геттингенском университете в Германии, после чего вернулся в Россию и поступил в императорское военное училище. В 1914 году он добровольцем ушёл на войну и сражался в рядах 17-го Гусарского Черниговского полка. После развала фронта, в 1918 году в чине штабс-ротмистра вернулся в Москву, откуда пытался пробраться на Дон в Добровольческую Армию, но был арестован большевиками и приговорен к смертной казни. Бежал за несколько часов до расстрела.

Посвящение на первой странице книги "Неугасимая лампада": Всеволоду Константиновичу Дубровскому, моему первому в Зарубежье издателю, открывшему мне путь в литературу - залог дружбы и любви. Б. Ширяев Сан-Ремо 11.IV.55.

После поражения Белой Армии был интернирован в Персию. Однако в 1922 году его выдали Советам, как он говорил «за десять туманов» (официальная денежная единица этой страны). Ширяева опять приговорили к смертной казни, но заменили приговор на 10 лет заключения в новом концентрационном лагере, созданном на месте древнего монастыря на Соловках. Здесь он работал на лесоповале и сбивании плотов, а также участвовал в лагерном театре.

Еще до революции Борис Николаевич сотрудничал в различных московских газетах и выпустил в 1917 году небольшую книжку стихов. Повесть «1237 строк» он опубликовал в выходившем на каторге журнале «Соловецкие острова».

В 1929 году из-за переполнения лагеря заключение было ему заменено на три года ссылки в Среднюю Азию, где он работал деревенским сторожем и корреспондентом советских газет, а также написал ряд брошюр по искусству Средней Азии.

По возвращении в 1932 году в Москву, Ширяев был снова арестован и сослан на три года в Россошь (Средняя Россия), где находился в особо униженных условиях – без жилья, без каких-либо контактов. В 1935-42 годах Ширяев жил в Ставрополе и Черкесске, преподавал там русский язык и литературу. В первом из этих городов он женился на студентке педагогического института Нине Ивановне Капраловой.

В 1941 году в эти края нахлынули беженцы из западных областей и все места стали предоставляться им: Ширяева увольняют. Снова нищета и скитания, на этот раз с женой и малолетним сыном. Но в августе 1942 года положение меняется.

После оккупации Ставрополя германскими и румынскими войсками, Борис Ширяев становится редактором антикоммунистической газеты «Ставропольское слово», позже переименованной в «Утро Кавказа», распространявшейся по всему северокавказскому региону. Одновременно писатель печётся и о ближних, добивается освобождения ряда военнопленных, всячески помогает своим соотечественникам, – без риска для своего положения.

В этот период он впервые становится с творчеством И. Л. Солоневича. Вот как Борис Николаевич описал это знакомство в газете «Воля» № 5 за 1953 год:

«В сентябре 1942 года в редакцию газеты «Утро Кавказа» в городе Ставрополе пришёл зондерфюрер Георгий Карлович Эрхард, эмигрировавший из Петербурга в 1918 году. Эту газету редактировал тогда я, и Эрхард дал мне на несколько дней почитать одну из привезенных им с собой русских книг. Это была «Россия в концлагере» И. Л. Солоневича. Я видел её в первый раз, и до того не знал имени этого журналиста, так как мало интересовался спортом, в области которого он работал в советской прессе до 1934 года.

Первые же строчки, прочтенные наугад на открытой по середине книжки И. Л. Солоневича, не только приковали моё внимание, но как будто охватили мою душу и унесли её во времени на 20 лет назад, на Соловки, на Каторгу.

– Ведь это же самое, тот «SOS» – «спасите наши души» - сигнал бедствия, который писали мы, соловецкие каторжники, своей кровью на баланах, предназначенных для экспорта в свободный мир. «Это наш вопль, наш крик отчаяния, для многих из нас предсмертный крик, но выраженный в художественной, полной глубокого трагизма литературной форме. И. Солоневич тоже писал её кровью. Кровью своего сердца.

Я читал, не отрываясь, сидя за моим редакторским столом, а через мое плечо те же строчки уже прочитывал секретарь редакции Михаил Матвеевич Бойков, в прошлом тоже подсоветский каторжник, а в настоящем – редактор выходящей в Буэнос-Айресе газете «Новое Слово».

Мы переглянулись с ним и без слова поняли друг друга. – В набор! В печать! Отдельными главами...

Так было в редакции. А в типографии, куда попала «Россия в концлагере», впечатление от нее было, может быть, еще глубже. Наборщики не захотели нам возвращать её тотчас же, и попросили оставить у них на несколько дней. Пришлось согласиться. Они читали её вслух ночами. Переплели в парчовый переплет и, вброшуровав несколько листов веленовой бумаги, написали на них горячие, идущие от самого сердца, слова благодарности автору. Они знали выкрикнутую Солоневичем страшную правду.

Я не слышал о другой книге, имевшей такую рецензию. Многие очень большие писатели могут позавидовать И. Л. Солоневичу. Он действительно потряс сердца своим словом, потряс потому что это слово шло на самом деле от его пылающего любовью и негодованием сердца. В этом была её сила».

Любопытно отметить, что в будущем М. М. Бойков тоже станет постоянным сотрудником "Нашей Страны".

Капитан Б. Ширяев (крайний слева) на пропагандных курсах Власовской Армии в Дабендорфе. Фотография из книги полк. В. В. Позднякова "Рождение РОА", Буэнос Айрес, Аргентина/Сиранузы, США. 1972

Когда началось отступление немецких войск, Ширяев, получивший чин капитана Русской Освободительной Армии генерала Власова, попадает в её пропагандную школу в Дабендорфе. Он также работает как журналист. Сперва в Берлине, потом в Белграде, а затем снова в Германии.

В феврале 1945 года, он был командирован в Италию, где расположился Казачий Стан белых атаманов Краснова и Доманова. Там он сотрудничает в газете «На казачьем посту».

Иные авторы Эрефии, например, С. Филимонов, отзываются о Б. Н. Ширяеве как о "коллорационисте". Этот эпитет глубоко оскорбил бы писателя. Будучи горячим русским патриотом, он считал себя **утилизационистом**, ибо хотел утилизировать, использовать немцев в целях Национальной России.

После выдачи казаков в Лиенце, его ожидают новые бедствия - опасность тоже быть выданным, бездомная, полуголодная жизнь в беженских лагерях Ди-Пи (перемещённых лиц), тяжёлая болезнь лёгких, нужда. И вопреки всему этому, последний период существования Бориса Николаевича становится самым плодотворным. Днём он зарабатывает на хлеб насущный как продавец кукол. А по ночам, когда умолкает лагерная возня, он лихорадочно пишет при свете свечи.

Помимо монархической деятельности, писатель принимал участие и в политических организациях ветеранов-антикоммунистов. Сперва в рядах власовского «Союза Андреевского Флага» генерала Глазенапа, а затем в «Суворовском Союзе» бывшего командира «1-ой Русской Национальной Армии» Хольмстон-Смысловского.

В начале 1955-го его единственный сын Лоллий, родившийся 21 июля 1937 года, покинул отчий дом и с великим трудом пробрался в Америку. Об этом Ширяев писал Дубровскому: «Решение Лоллика выехать в США вызвано целым комплексом причин: в итальянскую морскую школу он

мог быть принят только как иностранец, без права на офицерский чин, а кроме того, сама эта школа, равно как и дальнейшая карьера в Италии, во многом уступают США. Следовательно: раз представилась возможность, ему нужно было покинуть нас, что всё равно произошло бы рано или поздно. В нём самом я уверен. Он крепкий, знающий свой путь мальчик, владеющий собой, привыкший к самостоятельности и умеющий работать. Значит, не пропадёт. Так что у меня нет даже грусти при его отъезде, наоборот радость за него, за то, что я всё же смог ему открыть дверь в жизнь. Мама, конечно, грустит, но и она сознаёт необходимость этого отъезда. Нам же самим, при приобретении нашего маленького участка - домик в нужном нам размере почти достроен - лучше оставаться в Сан Ремо, пользуясь в дальнейшем его помощью. Америка не для нашего возраста,

да и не для нашего уклада жизни. Следовательно, всё слава Богу».

Тем не менее писатель соблазнился, и в том же году переехал в США, где давал показания о Катынских расстрелах на комиссии Конгресса и нашёл работу в известном Вашингтонском книжном магазине Камкина. Однако хорошо устроиться ему не удалось. В письме Дубровскому от 26 февраля 1956 года Ширяев сетовал: «Живу я морально довольно одиноко, материально скверновато». Эту свою неудачу он приписывал политическим мотивам: «С меньшевиками я, не в пример прочим, сразу занял резко отрицательную позицию, что и послужило причиной моего неурюства в дальнейшем в США. Будь я иной, имел бы сегодня «джаб» на 400-500 долл. в месяц. Это очевидно. Донкихотства мною было проявлено более, чем достаточно, я его считаю принципиальностью. Вообще с людьми я стараюсь быть честным». Не прижившись, Ширяев вернулся в Италию.

Что касается Ллолика, 31 октября 1955 года он поступил в американский корпус морской пехоты, где прослужил пять лет, потом перевелся в армию, стал парашютистом, в 1963-м году окончил офицерскую школу и был послан на курсы: сперва - штабных офицеров, а затем - психологической войны, что стало его специальностью.

По этой линии он работал в Японии, на Окинаве, а потом во Вьетнаме, где отслужил три срока, получив десять знаков отличия. По возвращении из Вьетнама после второго срока, в 1966 году, был послан на курсы испанского языка в Вашингтоне, а затем на курсы «спецназа» в Форт Брагг. В Панаме, в составе «зеленых беретов» окончил школу джунглей. Вернувшись в США после третьего срока во Вьетнаме, капитан Лоллий Ширяев получил назначение на курсы командного состава в Форте Беннинг. До написания данной статьи я пытался выйти на его след, но безрезультатно. Жив ли он? О судьбе жены Ширяева, донской

казачки Нины Ивановны Капраловой, тоже ничего не известно, кроме того, что она переехала вслед за сыном в США, жила в его доме и стала писать историческую повесть «Инна Каринцева», - по видимому оставшуюся незаконченной.

Вольфганг Казак подчеркивает, что Ширяев - писатель-реалист, перерабатывающий в своей прозе то, что сам пережил или слышал. Действительно, всё содержание его творчества тесно связано со странствованиями и мытарствами самого автора.

Наибольшей заслугой Ширяева, - считает Казак, - является изображение Второй Мировой войны с точки зрения русского патриота, который отвергает тоталитарную советскую систему и из соображений о пользе для своей нации готов сотрудничать с немцами.

На самом же деле Ширяев, как и подавляющее большинство участников Русского Освободительного Движения 1941-1945 годов, стремились не сотрудничать с немцами, а **использовать** их для свержения советской власти. Они не сомневались, что после падения коммунизма, немцы не смогли бы долго продержаться в России.

Роман Ширяева «Кудеяров дуб» (1957-58), в котором эта тема разбирается, представляет собой произведение, существующим образом отличающееся, например, от романа А. Фадеева «Молодая Гвардия», где рассказывается о событиях, очевидцем которых этот советский писатель не был, но подделывал их, подлаживаясь к партийной линии. Действие повести «Овечья лужа» (1952) происходит примерно в том же отрезке времени. Там описана, в частности, судьба одного преследуемого русского священника. Для Л. Ржевского это произведение является «по своим литературным достоинствам, равно как и по остроте и непререкаемой важности взятой темы, несомненной вершиной творчества этого автора... «Овечья лужа», конечно, заслуживает отдельного издания и перевода на другие языки».

По словам В. Казака, опубликованное посмертно исследование Ширяева «Религиозные мотивы в русской поэзии» (1960) является ценным дополнением к традиционному литературоведению, в то время как повесть о конокраде «Ванька-Вьюга» (1955), в которой писатель обращается к описанию дореволюционных времён, значительно ниже по уровню, чем его рассказы, повести и романы о подсоветской эпохе.

Благодаря Ширяеву, ставшему одним из первых заключённых и уцелевших на Соловках, в русскую литературу вошло описание жизни тамошних узников 1922-1927 годов. Жизни, которая, несмотря на убийственные условия определялась религиозным духом, исходящим из монастыря и монашества. В эту свою книгу «Неугасимая лампада» (1954) Ширяев включил уже опубликованные прежде произведения, изменив их названия. Например, «Горка Голгофа» (1953), рассказы о подвиге русских мучеников на Соловках, впоследствии, в 1981 году, канонизированных Русской Зарубежной Церковью, и «Уренский царь» (1950) о маленьком селе-государстве, оказавшем во время Гражданской войны сопротивление красным. Рецензируя в «Гранях» (№ 24) «Неугасимую лампаду» В. Арсеньев писал: «Язык автора богат, разнообразен и выразителен. Есть в нём что-то от Клюева и Шмелева».

Ширяев пожинал, конечно, не только дифирамбы. В 22-ой тетради парижского журнала «Возрождение» (за июль-август 1952 года) критик Н. Шварц-Омонский корил его за то, что в «Уренском царе» он изобразил «царя»

не «героем забавного эпизода, а свято-русским богатырем, страстотерпцем, носителем черноземной народной тайны». И зубоскалил: «Пока что не слышно было о бурном увеличении числа сторонников народной монархии». Но Ширяев и не ставил себе подобной цели. В письме Дубровскому от 18 мая 1955 года он указывал:

«Нам лучше ограничиться небольшим кадром настоящих работников для своей мозговой лаборатории, не отягощая себе балластом ненужной по существу массовой работы. Массовая работа предстоит на родине тем из нас, кто её увидит. Их мы и должны готовить. Будем же до конца солдатами на своих постах. Я считаю себя ортодоксальным последователем Солоневича и готов драться с кем угодно за развитие его идей».

По правде сказать, «ортодоксальным» он как раз и не был. В начале 50-х разорвалась бомба: стало известно, что Ширяев принял католичество.

«Получается как то неважно: «апостол» Народной Православной Монархии - и вдруг - католик. Плохо как то», писал Дубровский Солоневичу 9 декабря 1952. «Ширяев видимо ловчится во все стороны и в его католицизм я не верю ни на копейку. И вообще не люблю людей меняющих религию», отвечал ему основатель «Нашей Страны», до того считавший Ширяева «самым выдающимся публицистом правой эмиграции».

Однако всё обстояло гораздо сложнее. Дубровский недоумевал: «Принял католичество и тем не менее пишет, - и как пишет! - о православных святынях и православной монархии. Он или став всерьез католиком - просто умеет писать, или став католиком из-за какой-то личной выгоды, остался в душе православным».

Схожее писал и Н. Н. Чухнов в некрологе Ширяева: «Во всех своих книгах, в публицистических статьях, рассказах и очерках он выявил себя православнейшим писателем». По мнению Чухнова, «никогда никаким католиком Ширяев не был. Пусть об этом знает хоть сам Папа Иоанн XXIII. Формальный переход Бориса Николаевича в католичество был откупом от выдачи Советам. В 1922 году его выдали большевикам за десять туманов, а в 1946 году его чуть не выдали из католической Италии, как православного. Смейем ли мы упрекнуть его за минутную слабость, смеем ли осудить его, когда, в те страшные дни, для него было всего лишь два выхода: или лютая смерть в чекистском застенке и гибель жены с малолетним ребенком, или католическая свобода. Кто может от каждого требовать подвига первых христиан? Судьей ему будет только Господь Бог».

Далее редактор «Знамени России» подчеркивал: «Мы знаем одно, что во славу Католической Церкви Ширяев не нашёл в себе ни одного слова, не написал ни единой строки, но многострадальную Русскую Православную Церковь, её мучеников, архипастырей и пастырей, он славил и возвеличивал во всех своих творениях. И написал он «Светильники Русской Земли», а не «Светильники Католицизма».

Свой некролог Николай Николаевич Чухнов закончил такими словами: «Мир Твоему праху, дорогой Борис Николаевич! Я счастлив, что узнал тебя до самых сокровенных твоих дум. Около сотни твоих писем бережно храню я. Вечная память и вечная тебе слава в грядущей России».

В 1959 году такое пожелание звучало утопически. Кто бы тогда помыслил, что сейчас в России не только переиздаются книги Бориса Ширяева, но и крутятся о нём фильмы?

Николай Казанцев

СО СВОЕЙ КОЛОКОЛЬНИ

ГУНДЯЕВ И ПАПА

В прессе появилась информация о возможности встречи патриарха Кирилла Гундяева и Папы Франциска. Сначала на нейтральной территории (Бари, Вена или Венгрия) — с дальнейшим возможным визитом Папы в Россию. Я лично ничего такого ужасного в этих событиях не вижу. Но в нашей стране есть достаточное количество людей, которых это взволнует, которые будут этим возмущаться.

В моих любимых записных книжках князя Петра Андреевича Вяземского — есть совершенно замечательное суждение: «У многих любовь к отечеству заключается в ненависти ко всему иностранному. У этих людей и набожность, и религиозность, и Православие заключаются в одной бессознательной и бесцельной ненависти к власти Римского Папы». Вот в это впасть не следует.

В сталинские времена, когда была «холодная война», Ватикан считался центром мирового зла. Тогда в советском цирке некий куплетист в течение десятилетий каждый вечер пел такую частушку: «Римский Папа грязной лапой лезет не в свои дела. Ах, зачем такого Папу только мама родила!»

Но я считаю, что в наше время, которое я называют постхристианским, поскольку и в нашей стране процент христиан практикующих очень невелик, если не сказать ничтожен, и на Западе он также низок, вполне возможно отставившим в стороны бывшие распри католикам и православным совместно заниматься благотворительностью, совместно отстаивать христианскую мораль, которая отовсюду вытеснена уже политкорректностью, и так далее. Но я категорически против того, чтобы были совместные богослужения, чтобы речь шла о слиянии — мы слишком далеко разошлись за эти века. И католики превратились действительно в еретиков. Они приняли совершенно невозможные для нас догматы, главным из которых, конечно, является догмат о непогрешимости Римского Папы. Часто католики упрекают православных в искажении слов и интерпретации этого догмата. Но я читал его в подлиннике. И там такие слова сказаны, например, что Папа может извлекать из ада людей...

Папа, может быть, первым был когда-то по чести, но у них он теперь выше Соборов, выше всего на свете. Мы слишком далеко разошлись. Католичество находится в плачевном состоянии, в «мировом православии» — экуменизм, всякие беспринципные поступки, а Патриархия — это вообще плод Сталина. И если бы мы сейчас соединились,

то ничего хорошего бы не произошло. Мы бы просто наградили друг друга нашими недугами — каждый своими.

Я помню, когда еще Иоанн Павел II (Карол Войтыла) был понтификом, я придумал такую шутку: «Какая разница между католицизмом и Православием в современном мире? У них Вой-тыла, а у нас плач фронта».

Надо сказать, что разговор о встрече Папы Римского и московского патриарха очень давний. Еще был жив покойный патриарх Алексей II и была жива замечательная женщина и христианская писательница Зоя Крахмальникова, и вот она мне сказала такую фразу, которую я очень хорошо запомнил: «Ну, встретятся Папа Иоанн Павел II и наш патриарх Алексей II. И что Алексей II может сказать Папе Войтыле? Он может только сказать, что когда в Вас стрелял Агджа, я в это время был агентом КГБ».

Сейчас всюду ситуация очень и очень плачевная. Знаем эти скандалы многочисленные в католическом мире — выплаты компенсаций жертвам сексуальных домогательств.

Насколько масштабными могут быть сейчас протесты против визита Папы в Россию? Сейчас очень многие люди будут возмущены. Но поскольку я, слава Тебе, Господи, к Патриархии не принадлежу, этой крошечной Церкви это ни в какой степени не коснется.

САМЫЙ ТЕМНЫЙ ДЕНЬ В ГОДУ

21 декабря — день рождения Сталина. Это — самый короткий день в году, солнце появляется совсем ненадолго, а потому день можно назвать и самым темным.

Показательно, что человек, которого весьма многие люди (и я в их числе) «считают величайшим преступником всех времен и народов» родился именно 21 декабря.

Про его день рождения больше сказать мне нечего, зато день его смерти я помню отчетливо. Помню, как страна погрузилась в траур... Помню плачущих людей... Помню несметные толпы рвущихся к его гробу в Колонный зал... Помню, как несколько дней подряд из всех репродукторов доносилась классика — симфоническая и фортепианная. Скрипач Давид Ойстрах впоследствии выводит что рассказывал одной нашей с ним общей знакомой. Пока гроб Сталина стоял в Колонном зале, они, лучшие исполнители, играли по очереди. Там же они могли немного отдохнуть и подкрепиться: за занавеской стояли стулья, стол с бутербродами и чаем.

В какой-то момент за эту занавеску заглянул Хрущев — лицо небритое, усталое, но довольное. Оглядев сидевших там знаменитых музыкантов, он сказал вполголоса: — Повеселей, ребятаки! И лысая голова исчезла.

Еще немного о музыкантах.

Кто-то из коллег увидел в те дни плачущую скрипачку Елизавету Григорьевну Гилельс и принялся ее утешать:

— Ну что вы так убиваетесь? У нас будут еще вожди. Ну, может быть не такие, как Сталин...

— Да плевать мне на вашего Сталина! — отвечала она, — Я плачу оттого, что Сергей Сергеевич Прокофьев умер...

Действительно, великий композитор скончался в один день с тираном. В свое время Андрей Волконский рассказывал мне, что ему и другим ученикам Сергея Сергеевича, тем, кто занимался похоронами его, досталось много хлопот. И самое главное, Прокофьев жил на улице Горького, а туда из-за оцепления невозможно было подогнать похоронную машину. И вот ученики несколько кварталов несли на плечах гроб, и их горе никак не смешивалось с горем прочих людей, устремившихся к Колонному залу.

Как помним, в ночь на 1 ноября 1961 года по решению XXII съезда партии тело Сталина было удалено из мавзолея. Я по этому поводу вспоминал знаменитое выступление тирана — «Речь на предвыборном собрании избирателей сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г.» Начинаясь она такими словами: «Товарищи, признаться, я не имел намерения выступать. Но наш уважаемый Никита Сергеевич, можно сказать, силком притащил меня сюда, на собрание: скажи, говорит, речь...»

Осенью шестьдесят первого я предлагал своим приятелям отредактировать этот пассаж: «Товарищи, признаться, я не имел намерения покидать мавзолей. Но наш уважаемый Никита Сергеевич, можно сказать, силком вытащил меня оттуда: походи, говорит, прочь...»

Никита Хрущев не только вытащил чучело из мавзолея, он распорядился сносить памятники тирану и переименовывать всё, что носило имя Сталина.

Как правило, городам, весям и учреждениям после этого давали имя Ленина.

И тогда возникла такая, например, шутка: — «Институт стали» переименовали, он теперь называется «Институт лени».

И еще на ту же тему. Существовала якобы народная холуйская песня, начиналась она так:

*На дубу зеленом,
Да над тем простором
Два сокола ясных
Вели разговоры.
А соколов этих
Люди все узнали:*

*Первый сокол — Ленин,
Второй сокол — Сталин...*

Так вот говорили, что новая редакция гласит: *Первый сокол — Ленин,
Второй сокол — тоже...*

Протоиерей Михаил Ардов

Исторические документы

ПРИКАЗ РУССКОМУ КОРПУСУ

13 октября 1945 г. № 124
Лагерь Кл. Ст. Вайт

При отходе Корпуса в Германию, 7 мая с. г. на должность Адъютанта и офицера-переводчика мною был назначен 1-го Казачьего Генерала Зборовского полка обер-лейтенант РАЕВСКИЙ Александр.

Назначение названного офицера совпало с самым тяжелым и ответственным моментом в моих переговорах с английскими и германскими властями, результаты которых могли каждую минуту решить судьбу Корпуса.

Обер-лейтенант РАЕВСКИЙ в самые ответственные моменты моих переговоров неизменно проявлял отличные знания и необычайную осторожность, которые постоянно приводили к благоприятным для корпуса результатам.

В своих сношениях с иностранными офицерами обер-лейтенант РАЕВСКИЙ руководился исключительно интересами службы и любовью к своим товарищам по оружию, а также пониманием той ответственности, которую возлагала на него занимаемая им должность.

С присущим ему тактом, отличной осторожностью и чуткостью, обер-лейтенант РАЕВСКИЙ всегда умел внушить своим собеседникам — иностранным офицерам симпатии и теплое чувство к корпусу и его чинам.

Рапортом от 12. 10. с. г. Обер-лейтенант РАЕВСКИЙ попросил моего разрешения отбыть в г. Мюнхен на соединение со своей семьей.

От лица службы и себя лично благодарю Обер-лейтенанта РАЕВСКОГО за понесенные труды и примерное исполнение им своих обязанностей и желаю ему полного благополучия в его новой жизни.

п.п. Оберст РОГОЖИН

Читайте "Нашу Страну"
- начиная с её 1-го номера -
на интернете:
www.nashastrana.net
(и, на всякий случай, перекачивайте её себе - совковое правительство может в любой момент попытаться перекрыть свободный интернет)

НЕЗАВИСИМЫЙ РЕДАКТОР ЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЫ

Став поклонником ЧЕКА и СМЕРШа журналист А. Гаспарян посвятил одну из своих недавних радио-передач редактировавшейся в годы Второй Мировой В. Деспотули берлинской антисоветской газете «Новое Слово».

Для этого он пригласил историка Ивана Грибкова, - слава Богу проявившего немалую осведомленность и еще большую порядочность. На протяжении всей передачи московский журналист пытался набросить тень на Деспотули, утверждая даже, что он де «онемечился» - тогда как редактор «Нового Слова» даже отказался принять немецкое гражданство, что застраховало бы его от многих неприятностей, а также, возможно, и от ареста нацистами.

Однако Грибков каждый раз убедительно парировал инсинуации московского радио-перевертыва.

Любопытно, что отражая один из наскоков Гаспаряна, Грибков сослался на слова редактора рижской антикоммунистической газеты «За родину», засвидетельствовавшего, что в «Новом Слове» практически не было нацистской пропаганды.

Я уже опубликовал письма мне одного редактора - Анатолия Григорьевича Стенрос-Макриди - о Деспотули (см. «НС» 2928). Но Макриди распространялся на эту тему и перед другими своими корреспондентами. В частности, литератору Константину Евгеньевичу Аренсбургеру, проживавшему в калифорнийском городе Монтерей и сотрудничавшему в газете «Русская Жизнь» под псевдонимом «Аренский», Стенрос-Макриди 5-го декабря 1977-го года написал следующее:

«Обещал Вам про Деспотули рассказать. Он, с жару-пылу, принял в объятиях новых эмигрантов, многим помогал, связи кое-какие у него были, хотя и небольшие. Редакция его представляла из себя Ноев Ковчег, там не было только коммунистов, солидаристы и монархисты были. Все твердо усвоили правило: в «Новом Слове» можно проводить только антикоммунистическую линию.

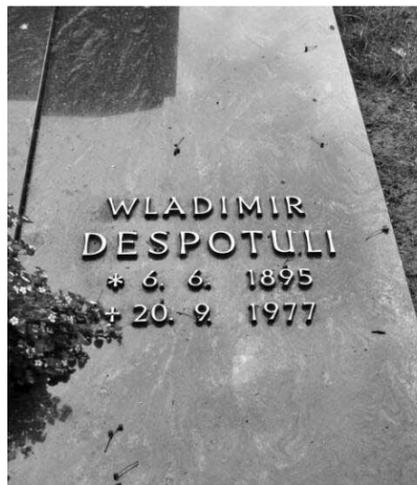
Синдикат Солоневичей с разгона атаковал газету, но без последствий. Такое же поражение потерпели и власовцы, а старо эмигрантские монархисты давно наточили зубы против Деспотули. Он не был антимонархистом, ни антивласовцем, но и те и другие, то есть монархисты и власовцы слишком много требовали, столкнулись бы лбами и взорвали бы газету изнутри. Никто не принимал и не хотел принимать во внимание и цензурные ограничения.

Так, например, газета «За родину», где работал я была подведомственна ОКВ (Верховному Командованию Вермахта) и пропагандировала Власова и его «движение» когда никто о нём ничего еще и не слышал (потом сверху запретили), а «Новое Слово» контролировалось геббельсовской конторой и о Власове полслова написать запрещалось. В результате, о Деспотули стали слагаться разные небылицы: одни считали его фашистом, другие коммунистом, а одна из девушек, которой Деспотули помог легализоваться в Берлине после её бегства из остовского лагеря, сделав карьеру, написала донос на Деспотули, высказав подозрение в том, что он английский шпион, и уж, во всяком случае, антифашист, так

как помогал ей обманывать власти.

Во время наибольшего расцвета «власовского движения», донос получил полную поддержку в Дабендорфе и Деспотули загремел: у него конфисковали газету, передав её власовцам, лишили его права передвижения и дважды в неделю мучили в Гестапо. Дошло до того, что он убедительно просил меня его не навещать. Я не послушался. Однажды он позвонил и попросился. Куда? На курорт лечиться. Вдвоем? Нет, пока один, но мне обещали помочь жене приехать тоже, если будет необходимость. Я пожелал полного выздоровления. После этого телефонного разговора наша связь прервалась на 12 лет. Ещё в Германии, после войны, от Февра я узнал, что Деспотули благополучно перебрался в Швейцарию, но жену ему друзья так и не доставили; в панике, о ней просто забыли. Курфюрстендамм, в районе которого жил Деспотули, попал в советскую зону и Деспотули из Швейцарии ринулся домой на поиски жены. Жену он нашёл невредимой, но сам поселился за городом. Однажды, в его квартиру вторглись советчики и потребовали от жены (немки) указать, где скрывается муж. Пообещали отдать на изнасилование роте солдат, если не скажет. Та и сказала. Предателем оказался старый эмигрант Жермундский. Деспотули отправили на Лубянку, а жена попала в тюрьму Восточной зоны. Деспотули скрыл своё бесподданство. Ему повезло:

«дело» его разобрали сразу, как и Н. Н. Краснова, и присудили высший срок - 10 лет в заполярный лагерь. Сразу после этого вышел указ о повышении предела до 25. Отбытие срока совпало с требованием Аденгауэра вернуть немцев. Деспотули попал в список. У себя дома он нашёл только тещу. Квартира пустовала, вывезли всё, кроме письменного стола. Но дом, к счастью, находился уже вне советской зоны. Ничего не зная о жене, где она, жива ли, он сидел на опрокинутом ящике за единственным столом, со свечкой, закутанный во что только можно, и встречал Новый, 1956-ой год, когда раздался стук в парадную дверь. Из тюрьмы вернулась Эльфрида, просидевшая (только за мужа) тот же срок... А я то, в моих молитвах, просил Бога послать рабу Его Владимиру скорую и безболезненную смерть! Когда узнал о возвращении, поблагодарил Бога за то, что Он молитвы дураков не исполняет...».

В своей передаче Армен Гаспарян умолчал об одном из ключевых сотрудников редакции «Нового Слова»: о писателе Николае Михайловиче Февре, разъезжавшем во время

войны по оккупированному СССР и оставившим нам исключительной силы человеческий документ: книгу «Солнце восходит на Западе» (Буэнос Айрес, 1950).

В 1973-м году я перепечатал в «НС» некоторые его произведения из издававшегося в довоенной Югославии эмигрантского юмористического журнала «Бух». На это сразу отозвался Анатолий Григорьевич Стенрос-Макриди, написавший мне 25.6.73 следующее: «Вы начали печатать Февра. Я с ним познакомился во время войны, после которой мы обменялись несколькими письмами. Он произвёл на меня очень хорошее впечатление, в памяти остался похожим чем-то на Зоценку. Вы, конечно, знаете, что Февр был отравлен в Буэнос Айресе, как и Михаил Бойков - сотрудник «НС». Может быть Вы знаете и то, что Февра раскопал в Сербии Деспотули, у которого он работал до конца «Нового Слова». Сам Деспотули совершенно нелепо попался к большевикам и просидев в концлагере одиннадцать лет, изловчился по аденгауэровской репатриации вернуться в Германию, как немецкий подданный, хотя несмотря на нажим нацистов, так и остался нансенистом. Обо всём этом пишу, чтобы Вы поняли смысл выдержки из письма Деспотули, после моего сообщения ему о судьбе Февра.

Слова" мне также писал из Нью Йорка общественно-политический деятель С. Л. Войцеховский. В письме от 5 февраля 1975 года он спрашивал:

"Известна ли Вам судьба жившей в Буэнос Айресе Аллы Февр? Приводя в порядок мой архив, я нашёл письма одного бывшего, в годы второй мировой войны, сотрудника берлинской газеты "Новое Слово", который переписывается с вернувшимся в пятидесятых годах из советского лагеря в Берлин бывшего редактора этой газеты В. М. Деспотули. Одно из этих писем содержит рассказ Деспотули о том, как вскоре после смерти Февра в Аргентине, его допросили в лагере об Алле Февр, подробно расспрашивая, что она делала и как себя вела в Берлине после того, как Февр вывез её из Киева и на ней женился. В Киеве Алла Февр, дочь чекиста Неживого, была - как Вы, вероятно, знаете, - служащей того антикара Коваленки, который упомянут в моей книге о Тресте. Её показание о Коваленке было бы, поэтому, ценно для подтверждения или опровержения сообщения мне генералом Бискупским немецкого утверждения, что Коваленко был в действительности агентом ГПУ Оперпуттом. В начале 1945 года, в Берлине, это утверждение быдо мне подтверждено весьма осведомленным немцем, служившем в Киеве в годы

Вот, что мне написал Деспотули: «То, что Вы написали о Февре, для меня не ново. О том, что с ним должно что-то произойти, я знал еще в лагере когда опер-уполномоченный допрашивал меня о нём и весьма недвусмысленно отзывался о его супруге Аллочке Неживой, дочери киевского чекиста, как о советской патриотке, которая де и после замужества осталась подлинно советским человеком. Я не сомневаюсь, что эта «патриотка» способствовала своему освобождению от семейных уз. На меня она произвела отвратительнейшее впечатление, когда по-мальчишески в неё влюбленный Николай Михайлович привёл её к нам в 1942 году на Johan Georg strasse».

Далее Макриди заканчивал такими словами: «Написал Вам на всякий случай. Февр был замечательным журналистом и большим, видимо, умницей. Его смерть на меня произвела сильное впечатление: большевики знали кого убрать».

Причем большевикам удалось убрать также и память о нём: на интернете нельзя найти никаких биографических сведений о писателе; включая и статью, которую я посвятил Февру в «НС» от 23-го августа 2008 года.

О судьбе этого сотрудника "Нового

германской оккупации. Я не назвал его в моей книге только потому, что не хотел это сделать без его согласия. Знаю, что он жив где-то в западной Германии, но его адрес мне не известен. Если Алла Февр всё еще в Аргентине, а не вернулась - как утверждают в Нью Йорке - в Россию, хорошо было бы показать ей главу о Коваленке в моей книге и поставить прямо вопрос, что она может теперь сказать об этом "антикаре"? Можно, конечно, заверить её в том, что её имя в печати, без её согласия, упомянуто не будет".

Увы, следов Аллы Февр мне обнаружить не удалось...

Хотя вся русская эмиграция в Аргентине считала, что Февра отравили советчики, в буэносайресской газете где он печатался, "Новом Слове", её редактор Д. Константинов не осмелился об этом открыто написать, а ограничился лишь такой обтекаемой фразой: "Смерть Николай Михайловича произошла от сердечного удара, причины которого не совсем понятны, так как покойный был в общем здоров или, во всяком случае, никогда не жаловался на какие-либо заболевания..." (№ 68, от 24.5.1951).

Николай Казанцев